

ВОСПИТАНИЕ И ПРИРОДНЫЕ ИНСТИНКТЫ

Территориальная агрессия человека

Поведением человека и животных управляет множество инстинктов. Среди них особое место занимает инстинкт территориальной агрессии. Мы следуем его правилам так же, как, например, инстинкту самосохранения или воспроизводства. Однако, действуя автоматически, мы обычно не осознаём, что на наше поведение влияют агрессивные мотивации. В этом плане нас можно сравнить с теми жителями города, которые уверенно ориентируются в его переулках, хотя и не представляют себе, как выглядит его карта.

«Жители города»... Это не только образное сравнение, но и характеристика современного социума.

«Горожане» — примерно так должно переводиться латинское слово «цивилизованные».

Оказывается, цивилизованные нормы поведения, которое мы вырабатываем, в основном сводятся к тому, чтобы подавить территориальную агрессию. Чем лучше человек этому научился, тем более он считается воспитанным, культурным. Но полностью избавиться нас от влияния агрессии не может даже самое хорошее воспитание. Попробуем осмыслить «анатомию» территориального поведения.

И если мы поймём его закономерности, возможно, сможем объяснить некоторые поступки окружающих.

Кирилл Ефремов,
доцент
Института
психологии
им. Л.С. Выготского
(РГУ),
кандидат
биологических
наук

Индивидуальный участок

Всякому живому существу необходим свой ресурс пространства: лужайка, островок леса или целое море, где оно сможет искать пищу, спастись от хищников, размножаться, да и просто пребывать. Но не всегда территория может вместить всех желающих. Поэтому приходится отстаивать своё «право на остров». Едва какая-нибудь мышка (равно как и медведь) попадает на новый участок — скажем, склон холма, — она обследует и метит его, после чего этот клочок приобретает для неё некоторую ценность: становится «своим собственным». Поэтому наша мышка смело охраняет его от вторжения чужаков. И клочок земли уже не клочок, а — бери выше — *индивидуальный участок*. Это превращение происходит не сразу, а благодаря развёртыванию особых механизмов поведения.

Знакомство с территорией начинается с реакции *открытого поля*. Физиологи обнаружили, что, попадая в незнакомую обстановку (скажем, вынесенное из клетки на середину комнаты), животное затаивается. При этом прочая деятельность (например, жевание капусты или вылизывание шерсти) угасает, а в коре мозга развивается торможение. Человек также ощущает это состояние, описывая его как «замешательство», «минутное ошеломление».

После этого наступает *ориентировочная реакция*: усиливаются движения глаз, ушей и носа (рефлекс нацеливания), повышается тонус мышц. Дыхание и сердцебиение вначале замирают, а затем учащаются. Кора мозга активизируется. Ориентировочная реакция — это мощный и древний механизм, позволяющий быстро отреагировать и, быть мо-

жет, спасти свою жизнь. Его силу ощущает и человек, когда пугается, например, дремлет и вдруг услышит резкий звук. Расслабленное состояние как рукой снимает. Адресалин! Кто из нас не чувствовал, как «захватило дух»? Человек вздрагивает, подпрыгивает, озирается. Мобилизуется система восприятия: пальцы нервно перебирают предметы, ноздри раздуваются, а уши... Нет, ушами мы прядать не можем, однако зачаточные мышцы скальпа всё-таки натягиваются, сдвигая ушные раковины назад. Это придаёт лицу выражение настороженности, испуга.

Следующий этап — поиск укрытия. Ориентировочная реакция прекращается, и животное спешит куда-нибудь спрятаться. А когда найдёт укрытие и немного успокоится, переходит к *исследовательской деятельности* — начинает совершать «вылазки». При этом мозг создаёт «когнитивную карту» местности. У хищных животных ориентировочно-исследовательская активность выше: для охоты местность нужно знать лучше, чем для сбора растительной пищи. А среди приматов повышенной хищностью выделяется именно человек. Поэтому участки мозга, отвечающие за пространственную память, у него развиты особенно хорошо. Для человека также важно иметь укрытие, «базовый лагерь», откуда начнётся обследование. Это может быть «своя» комнатка в мансарде, прихожая, где оставлена верхняя одежда, знакомый ресторанчик в городе, где ты ещё новичок...

Во время исследования важно найти хорошие *ориентир*ы. У животных они служат не только путевыми вехами, но и «заявочными листами», на которых оставляются метки своего присутствия. Хищные птицы помечают отдельно стоящие скалы или сухие деревья хорошо заметным белым помётом. Благодаря острому зрению они издали видят, занята ли данная территория конкурентами. Также поступают и звери, нанося на кусты или кочки пахучие вещества. Задача маркировки — передать соседу, конкуренту или партнёру первостепенный сигнал языка животных: «ме-

сто занято» или попросту «я!». Этот сигнал адресован и самому себе — воспринимаемые собственные метки, животное чувствует себя спокойнее: «я дома».

ЧЕЛОВЕК МЕТИТ МИР

Что, например, произойдёт, если ребёнок попадёт в незнакомое помещение? И просьба не одёргивать — пусть малыш действует как хочет! Скорее всего, в самом начале он замрёт и даже присядет (реакция открытого поля). Затем начнёт обследование, залезет в ящики стола. Походя дотронется до больших заметных предметов. А когда освоится, то начнёт безобразничать: бегать, кричать, ломать вещи и даже намочит в штаны (разные виды маркировки).

По своему стремлению метить мир человек — чемпион среди прочих видов. Он начинает «маркировку и присвоение» с первых минут жизни — криком. Вообще-то довольно странно представить, чтобы, попадая в мир, полный хищников (и раздражительных мужчин), такое вкусное и беспомощное существо, как новорождённый человечек, заявляло о себе громким и продолжительным криком. У большинства зверей и птиц детёныши предпочитают затаиться и лишь с появлением родителя издавать писк. Человеческий же младенец может кричать во всю глотку, прерываясь только на еду и сон.

Этот факт учёные объясняют так. Во-первых, младенец постоянно оказывается в ситуации разлучения с матерью. Пример сдержанной вокализации, приведённый выше, характерен для детёнышей, растущих в норе или гнезде. У приматов всё наоборот: детёныш всё время держится за шерсть матери и помалкивает. Но если оторвётся от неё, начинает голосить: «Я потерялся!! возьмите меня!» У «природных людей» дети первого года жизни почти не расстаются с мамкой. Поэтому они растут удивительно спокойными и кричат, только если у них что-то болит. А цивилизованный ребёнок постоянно испытывает «стресс разлучения».

Своё — пометить!

Маркировка может быть нацелена на любой канал коммуникации, или, проще говоря, орган чувств. В качестве *визуальных* меток животные (от насекомых до приматов) используют как собственную внешность, так и неживые объекты. Например, вражеские птицы любят устроить в своих гнёздах целый склад из блестящих вещиц, а орлы вплести в него зелёную ветку. Млекопитающие используют визуальные метки нечасто, например, когда медведь сдирает кору высоко на дереве: «Я огромный!» Или когда дикие кошки царапают сухое дерево (потому-то их домашние собратья любят «точить когти» о наши диваны и кресла, заявляя: «Я тоже здесь живу!»). Приматы, с их мощным зрением, визуальное мечение очень уважают. Они надкусывают и ломают ветки, мажут деревья, камни и самих себя цветной глиной (а может, и чем-нибудь похуже). Обзавестись акварельными красками для обезьяны — целое событие! Половину она, пожалуй, съест, а другой перепачкает всё вокруг. Рассерженные обезьяны особенно склонны к «вандализму». Рассерженный шимпанзе, чтобы самоутвердиться, может ободрать листья и ветки с целого дерева: «Я-аа!!»

Ещё один способ мечения — *тактильный*. Он чаще используется теми видами, которые обитают тесными группами, да ещё и в закрытых убежищах. Кстати, этот образ жизни присущ и большинству детёнышей птиц и зверей, вырастающим в гнезде или норе. Для них тактильное мечение особенно важно. Стремление прижаться к боку, потолкаться (и тем заявить «я!») — это отчасти проявление конкурентной борьбы, которая может завершаться истреблением слабейших собратьев. Так ведут себя не только кукушата, появившиеся на свет в чужом гнезде. Большинство птенцов рефлекторно разгибают конечности, если их спина прикасается к опоре. Таким манером они выталкивают из гнезда (если позволяет высота стенок) яйца и птенцов, вылупившихся позднее. Иначе родители не прокормят весь выводок, и тогда не выживет никто. Так стратегия «умеренного братоубийства» оказывается выгодной для вида в целом.

Химическая маркировка распространена в мире млекопитающих. Они метят пахучими веществами не только индивидуальный участок, но и остатки трапезы, свои гнёзда и сородичей. Им помогают мощное обоняние и наличие особых желёз, выделяющих одоранты и феромоны (первые создают

И тревожный крик входит у него в привычку: укрепляются лёгкие, голосовые связки и активизируются центры вокализации в мозге. Но это лишь первое объяснение. Во-вторых, — присутствующая человеку избыточная территориально-маркировочная агрессия, которая у маленьких детей проявляется с особой силой. Чтобы их заметили, проявили заботу, попросту не задавили, приходится заявлять о себе: уа-аа!!

Едва научившись ползать, ребёнок спешит разломать и отправить в рот всякий предмет, до которого доберётся. Он грызёт ножку от табуретки, колотит игрушки и чиркает карандашом в мамино паспорте. Став старше и самостоятельнее, дети уже не требуют постоянной опеки. Поэтому их территориальная агрессия снижается. Они уже не стремятся к тому, чтобы окружающие хлопотали и кудахтали над ними, чтобы и по первому требованию отдавали вещи: «Дядя!»

У подростков — новый скачок маркировочной агрессии. Так и хочется разбросать посреди прихожей громадные вонючие кроссовки, а в углу комнаты — заношенные футболки и носки, оклеить комнату изображениями кумиров и заполнить её сувенирами (чаще откровенным хламом)... Собираясь с товарищами в большие группы, подростки чувствуют себя в безопасности и запускают маркировочную агрессию на полную катушку: много курят и плюются, нарочито шумят, хохоча и слушая магнитофон (раньше брэнчали под гитару). А ещё — совершают акты вандализма. Как след мочи понуждает кота задрать в этом месте хвост, так и царапина на стене лифта вызывает у подростка неудержимое желание нанести ответную метку. Всё это не остаётся без внимания окружающих: мужчины свирепеют, старушки возмущаются, а мальчишки испытывают затаённое восхищение...

Маркировочная агрессия присуща и взрослым. Только принимает она скорее конструктивный, нежели разрушительный характер. Например, зайдя в холостяцкое жилище, женщина восклицает: «Ну и беспорядок!» — и принимается за работу. По сути, она старается удалить метки хозяина, пряча дорогие его сердцу спортивные кубки, подметая пол и переставляя стулья. А взамен наносит свои: кухонные запахи, расставленную на полке косметику, детали одежды, забытые как бы «случайно». Эта деятельность агрессивна, поэтому она может стать поводом для конфликтов и изгнания.

Приоритетное право мечения принадлежит доминантам, которые подавляют подчинённых. Самые преданные «подчинённые», живущие в наших квартирах, — собаки. Они легко приучаются «терпеть» до выхода на улицу не потому, что квартира уже пропиталась её запахом (как полагают многие), а потому, что эта территория принадлежит хозяевам. Претендовать на неё собаке нельзя, о чём ей недвусмысленно заявили, тыкая мордой в лужицу. Однако если в дом пожалуют четвероногие гости, самая воспитанная собака может «поднять ногу» на дорогой сервант: «Я тоже охраняю этот участок!» (Вдруг право её хозяев на эту территорию покажется гостям неубедительным.)

Обычно люди ведут себя именно как «хозяева участка», когда «пилят» дочку-подростка, если та надушилась, или ругают сына, раскидавшего свои вещи. А хозяйка какого-нибудь школьного кабинета действует ещё строже, ведь её атакуют сразу десятки претендентов на территорию (и каждый вдобавок низкого ранга и «гипермаркировочного» возраста). Поэтому сама она форсирует голос, издаёт мощный запах и укрепляет лицо «бронеёй» из косметики и здоровенных серёжек. Но если так же поступит нескромная восьмиклассница, получит выговор: нос не дорос.

Маркируя территорию, человек действует автоматически, неосознанно. Как мы узнаём, что в этом лесу есть птицы? Они поют. А как мы узнаём, что в соседнем кабинете есть дети? Они шумят — и их шум несёт единственную информационную нагрузку: «Я!» В лагере вожатые не разрешают детям вскакивать и говорить, пока не прозвучит сигнал подъёма. И всё-таки малыши не могут удержаться, чтобы, едва открыв глаза, не огласить летнее утро своими «гы-гы!», «ха-а!!», «эй, ты чё, спишь?». Как же это похоже на пробуждение птиц, которые вначале щебечут отрывочно и невнятно, а затем как распоятся!

Но голос человеческих детей выражает не только индивидуальность. Общественные виды любят пошуметь не поодиночке, а вместе, и тем громче, чем больше участников хора. Эти «социальные крики» означают не просто «я», а «я и мы». Если, находясь в коллективе, ребёнок не шумит, значит, он испытывает дискомфорт, быть может, болен или напуган. Или асоциален — не желает считать соседей «своими», вплетать свой голос в общий хор.

Частенько «плохое поведение», за которое мы осуждаем детей, — естественная маркировочная активность, предписанная самой природой. Ребёнок всегда найдёт способ дать о себе знать. Заткните уши и отвернитесь — он постарается с сопением заглянуть в лицо, заслонить телевизор, дёрнуть за локоть или пихнуть в бок. А если вас не проймёшь и этим, то расшибёт себе лоб и разрыдаётся — только попробуй остаться равнодушным.

Мечение — это труд и отдых

Размечая и присваивая мир, человек (в отличие от других видов) стал активно использовать *искусственные* приспособления. Вероятно, труд имел для древних людей не только прагматическое, но и семантическое значение. Обработывая сверкающие камни, они создавали не столько «инструмент добычи бифштекса», сколько оригинальные «метки мира».

В эпоху голоцена (последний десяток тысяч лет) появился новый подвид человека (учёные называют его *Homo sapiens* *гесепс* — «современный, рецентный»). Это великий умелец выживать в условиях перенаселённости. Он применил более искусный способ «метить мир», объединив ритуалы «разрушения» и «пачкания». Объект не просто подвергался деструкции, но буквально стирался в порошок. А затем этот «прах» перемешивался, чтобы вылепить из него новую, «свою» форму.

индивидуальный запах, вторые ещё и влияют на поведение и обмен веществ соседей — подобно гормонам).

Мечение сопровождается определёнными *ритуальными действиями*. Так, при виде соперника, собака поднимает ногу и слегка брызгает мочой а затем скребёт лапами по земле (ничего на самом деле не «зарывая», зато оставляя выделения пахучих желёз, расположенных между пальцами). Так же поступают и кошки. Если наказать вредного кота, он поспешит оставить мочевую метку где-нибудь на запретной территории (например, на кровати хозяев), заявляя: «Врёшь!! моё место!»

Звуковые метки чаще используют птицы, распевая на деревьях. У этих весёлых песен один и тот же перевод: «Здесь я!» Одни адресаты — соперники — истолковывают его как сигнал держаться подальше, а другие — партнёры — как приглашение. Привлекающие звуковые метки используют не только брачные партнёры, но и, скажем, детёныши, которые постоянно попискивают и поскуливают (что стимулирует родительскую заботу и покровительство).

Среди млекопитающих лишь немногие предпочитают метить не запахом, а звуком. Все они в чём-то уподобляются птицам. Это рукокрылые, приматы (обитающие в кронах деревьев) и ещё одни «жильцы вершин» — только подводного царства — китообразные. Все они используют систему сложных и продолжительных звуков («птичий язык»). У приматов мечение звуком — на первом месте. У некоторых из них (например, ревунов или гиббонов) территориальная песня разносится на многие километры. На втором месте — «ритуалы пачкания», на третьем — «ритуалы разрушения». Все три ритуала можно вкушать в полной мере, если запереть обезьянку у себя в комнате (и уже через час ощутить, насколько *хорошо* ведут себя даже самые «плохие» человеческие дети!).

После того как участок помечен, нужно следить за тем, чтобы на него не посягнул чужак. Для этого служат особые паттерны *патрулирования*: регулярный обход периметра своего участка, изучение ориентиров и обзор окрестностей. Это делают не только лемуры, лисицы, леопарды, но и деревенские мальчишки.

Так истиралось сырьё — зерно, глина, руда, мел, с тем чтобы получить хлеб, горшок, металлический слиток или покрыть дом известью. Некоторые антропологи полагают, что гончарство, металлургия, земледелие, приготовление пищи из муки возникли именно как сакральные обряды «манипуляции с прахом» и принесли экономическую выгоду лишь по мере технического усовершенствования.

А наши дети учатся этому ритуалу, когда «варят суп» из глины, мух и бумажек, «пекут пирожки» из грязи (обезьяны так не играют). Кстати, подобным образом они собирают «конструкторы» вроде «Лего», а точнее, разбирают ту модель, которую предлагает фирма-изготовитель, чтобы выстроить нечто неуклюжее, зато — своё!

Да, дети любят повозиться в грязи, перепачкаться краской... Только дай им волю. А что, если действительно — дать? Но сперва сделаем небольшое отступление.

Наше воспитание — это постоянное сдерживание инстинктов: «Перестань! Не безобразничай!» Так одёргиваем мы детей, да и самих себя. Но разве дикие животные или люди, ведущие природный образ жизни, «безобразничают»? Нет, они в любом случае делают то, что им предписано природой. В цивилизованных же условиях мы просто вынуждены вводить сотни новых ограничений. Однако это легко объяснить нашему духу, но не телу. Тело страдает, испытывая стресс, приобретая патологии. Особенно страдает нервная система. И хорошим отдыхом и даже терапией становится... простое снятие ограничений, следование своему естеству.

Природные инстинкты — это отнюдь не что-то ужасное и жестокое. Среди них, например, потребность в движении. (Кстати, давно ли вас посещало желание съехать по перилам, «покататься» на двери? Давно: эти желания мы «упекли за решётку» ещё в детстве.)

Есть ещё один обычно подавляемый инстинкт — водный. Большинство приматов воды боятся и избегают. А человек — любит! Попробуйте привести на пляж ты-

сячу кошек или обезьян и затащить их в воду — не выйдет. А детей — наоборот — попробуйте от этого удерживать! Гуляя в парке, люди обязательно подойдут к пруду. А дети — постараются пробраться к самой воде. Дотронуться до неё. Снять башмачки и ступить в воду. Закатать штаны и войти по колено. И вот уже целиком плюхнулся в воду этот «озорник», одетый в выходной костюм! В чём дело? Опять «плохо себя ведёт»?

Учёные полагают, что наши предки предпочитали жить около моря или больших озёр. Там всегда больше пищи — ракушек, крабов, корневищ. Поэтому преимущество получили те группы «праюдей», которые не боялись воды, а, напротив, любили в ней «копошиться». Влечение к воде — ещё одно поведенческое качество. Неудивительно, что дети любят купаться. И что прекрасным отдыхом для них становится «возвращение к водному естеству», например, поездка на море.

Стремление пометить мир — тоже сильный инстинкт, подавление которого стоит ребёнку немалой нервной энергии. И даже способствует «поломкам души», усугубляя подавленность, фобии, которые часто соседствуют со скрытой агрессией, способностью «сорваться», «психануть» и совершить антиобщественный поступок. Как вернуть таких детей в норму?

Сегодня при коррекции поведения детей психологи всё чаще используют арт-терапию, которая, по существу, является «терапией неограниченного мечения». Ребёнку создают такие условия, чтобы он не боялся испачкаться и что-нибудь испортить. Например, он может зачерпывать руками краски и размазывать их по стенам и по себе. Или кидаться глиной, лепить из неё, что ему заблагорассудится.

Вообще-то нечто похожее дети делают и на занятиях в садике, и на школьных уроках: рисуют, лепят. Но там они всегда закрепощены жёсткими рамками: листа бумаги, правил поведения, темой урока. А при арт-терапии движения можно делать с широкой амплитудой: кидаться краской, валяться в ней, рисовать огромные пятна

вместо «аккуратных буковок»... Постепенно внутренние зажимы исчезают, душа «расправляется». Точно так же подавленным детям полезны и другие упражнения на развитие, скажем так, территориальной агрессии: покричать со всей силы, побегать по пустому залу, раскинув руки, дотронуться до возможно большего числа вещей за минуту, потолкаться плечами, покидаться пучками водорослей или глиной...

У человека два начала: природное, инстинктивное, и разумное, рассудочное. И чтобы воспитание было гармоничным, а жизнь яркой, следует уделять внимание и тому, и другому.

Мы не обсудили ещё один поразительный инструмент, который позволяет человеку пометить любой объект мира: звёзды, горы, людей, да что угодно. Это язык. Наделяя вещи названиями, мы делаем их знакомыми, вводим их в свою картину мира. Дать имя — значит почти присвоить. Когда тебе дали имя — ты «свой». С маркировочной сущностью языка связаны такие явления, как обзывательства и дразнилки, стремление использовать клички вместо имён и т.д. По существу, территориальная агрессия — один из важнейших факторов развития языка. Впрочем, это слишком объёмная тема, поэтому поговорим о ней в следующий раз.

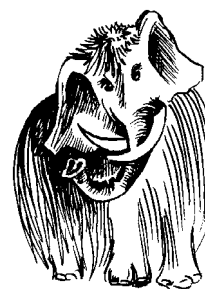
Особый инструмент мечения — огонь

Уже полтора миллиона лет назад древнейшие люди стали систематически использовать огонь. Для чего? В первую очередь, чтобы устраивать «охотничьи палы». Поджигая саванны, люди охотились на оглушённых дымом и обожжённых животных и вдобавок собирали печёные клубни и мясо. У человека сформировался настоящий «инстинкт поджигательства», или пиромании. Он заставляет нас, как замороженных, смотреть в огонь. А ещё — кормить его дровами, выпускать на свободу, воспламенять всё вокруг! Особенно сильно это желание у подростков, недаром они норовят поджечь кнопки в лифте, лоскутки

объявлений, траву, а то и целый дом, обожжают «костры до небес». (Вдумайтесь в эти атрибуты: пионерский костёр, салют, пламенеющий галстук, знамя — какая в них жизненная сила, какая регламентированная агрессия!) Огонь даёт всё, что нужно для маркировки: разрушение, внешний эффект, сажу, звук, запах. И этот запах можно усилить — если добавить пахучие листья...

Издревле люди клали в костёр листья, чтобы дым отпугнул паразитов и гнус. И быстро заметили, что дым от некоторых растений вызывает удивительные и необъяснимые — магические ощущения. Появился целый культ растений, дающих дурманящий дым. Чтобы вдыхать его, пользовались поллой тыквой, глиняными или деревянными трубками. Затем стали помещать огонь прямо в трубку — это уже «переносной костёр». Постепенно его упростили до скрученного в трубку листа — сигары. И, наконец, изобрели более дешёвый вариант: завернутое в бумажный фунтик табачное крошево — сигарету.

Одна проблема: систематическое курение разрушает здоровье. Однако вред меркнет в сравнении с тем преимуществом, которое даёт курение. Это и стимуляция мозга, и повод для общения. Но главное — это возможность «заявить о себе», источая оглушительную вонь и посверкивая «габаритным огоньком». Как это прекрасно — собраться в курилке и устроить «социальный шум», вести доверительную и раскрепощённую беседу в условиях взаимного зловония. Ещё один плюс — курение приглушает обоняние, поэтому пепельный дух окружающих и загазованность улиц совершенно перестают беспокоить. Вдобавок курильщик всегда окутан аурой уважения: когда он покупает пачку (платёжеспособный!), когда смолит (занят важным делом). И даже когда бросает (вот это воля!), когда начинает снова (эх, обстоятельства довели...), когда кашляет (ай-ай, бедолага) и даже помирает. А плата невелика: это некоторые хронические болезни (кто от них застрахован?), некоторые денежные расходы (но ведь и на хлеб мы тра-

тимся ежедневно!) и сокращение средней продолжительности жизни на пятнадцать-двадцать лет (кто же знает свою судьбу?).

Странные я подбираю выражения. Однако там, где вещи принято называть своими именами, курение действительно расценивается как занятие опасное (огонь! в деревянных домах!) и чудовищно наглое. И говорят (по крайней мере, говорили) о нём именно такими словами. В разные эпохи курение каралось отлучением от церкви, отрезанием губ, смертной казнью. Сегодня можно поплатиться если не губами, то штрафом, общественным порицанием, даже лишением свободы (когда нарушена безопасность). Однако в нашем обществе дымный способ «заявить о себе» считается вполне этичным и законным. О курении здесь принято говорить негативно. Но на самом деле россияне это занятие горячо поддерживают, что доказывают на деле: с завидной регулярностью достают, вставляют и зажигают. В России дымят любые социальные группы — старые и молодые, мужчины и женщины, студенчество и спортсмены, шофёры и продавщицы. Настоящая эпидемия, мощно вовлекающая всё новые и новые слои населения. Избегая совместного курения, в лучшем случае прослывёшь чудачком, а в худшем — нелюдимом, «не своим».

Всё это вещи очевидные, всем известные. И подростки тоже понимают (или хотя бы чувствуют), почему курящие родители и учителя не позволяют им делать то же самое. Курение — атрибут взрослой жизни. Вот подрастёшь — тогда и будешь «метить территорию». Поэтому повзрослев и получив хоть чуточку самостоятельности, подростки немедленно хватаются за сигареты. Однако чтобы по-настоящему пристраститься, приходится тренироваться — курить много и регулярно. Такую возможность молодёжь получает в... школе. Ведь перемена — это самый что ни на есть регулярный «перекур». Как по часам! Администрация должна проявить недюжинную волю и жёсткость, чтобы воспрепятствовать курению своих учеников в урочное время — не только на территории школы, но и «за углом». А препятствия делают «запретный плод» только слаще...

Подобные мысли я сформулировал, вдыхая «ароматы», приносимые старшеклассниками на мои уроки экологии. Что было делать? Взывать к здравому смыслу? Показывать фотографии прокуренных лёгких? Показывал — никакого результата. Мои молодцы и молодницы всё так же шли дымить на крыльцо, только пригибались, как под обстрелом, и зло сверкали глазами.

Поэтому я прочёл им лекцию о... пользе курения, рассказав о сложных взаимоотношениях человека и дурмана.

— Все там будете, — подытожил я, — потому что сопротивляться нет никакой возможности. Табачные производители заинтересованы в том, чтобы как можно больше молодёжи покупало сига-

реты. На кон поставлены большие деньги. Посчитайте: если сто миллионов россиян будут тратить в день рубль на сигареты, сколько набегит за год? (Ученики подсчитали и призадумались.)

— Вы живёте в таком обществе, где окружение: друзья-товарищи, коллеги, руководители и даже родители (своим примером) постоянно будут заставлять вас курить. С этим давлением не совладать. У вас есть только один выход: курить мало, одну-две сигареты в день. Это уже не так разрушительно. И курить только красиво, для удовольствия и комфорта, а не прятаться в туалете или тамбуре, словно удовлетворяешь нехорошую нужду. Впрочем, всё это вам вряд ли позволят.

— Вы должны помнить два момента. Первое: во всём мире верхи общества избегают систематического, пристрастного курения. Это удел низших классов. Куда вы стремитесь, в какой слой — решайте сами. Второе: чтобы оплатить «дольче виту» табачным производителям и торговцам: виллы, машины, отдых на Канарах, вы должны выкуривать не меньше пачки в день.

— Лично мне отказ от курения очень мешает в жизни. Надо бы подзаянаться, начать покупать сигареты, но — не могу себя заставить! Просто воли не хватает, вот проблема. Бывало, познакомишься с человеком, он сразу мне сигарку: пойдём покурим? Услышав отказ, мрачнеет: «Ну и молодец» (а в глазах его читается: «Ну ты, братец, и лопух»).

Примерно так. Ученики (как и многие читатели) удивились — лекция показалась им скандальной, парадоксальной и главное — коренным образом отличалась от лекции нашего школьного врача, которую они прослушали между третьим и четвёртым перекурами. Они, конечно, не кинулись расставаться со своей привычкой. И всё-таки в дальнейшем их присутствие уже не так отвлекало воздух в моём кабинете. **НО**